

ЖЕНЯ ДЕКИНА

П Р О З А   Н А Ш Е Й   Ж И З Н И

16:13. Нина

Дворник почему-то не ударил. Он крепко держал за запястье и вдруг отпустил метлу. Метла со звонким щелчком ударилась о землю. Свободной рукой он потрогал Нину за грудь, а потом опустил ниже и прямо через трусы и платье потрогал между ног. Жест был непривычный — он будто взял в щепотку обе половинки, на которые расходилось там, где сама Нина никогда не трогала, и потянул. Нина не могла понять, зачем он это делает и чего от нее хочет. Он смотрел прямо в глаза и бормотал что-то невнятное, будто пытаясь объяснить. Глаза у него были полупрозрачные, пустые, и щетина на лице выбрита кривыми островками. Испугаться Нина не успела, она пыталась различить, что он говорит, но дворник был глухонемым, и понять его однообразное «ва-ва-ва» было невозможно. За спиной, на безопасном расстоянии, держались остальные — человек пять других детей, замороженно наблюдавших за происходящим и готовых в любой момент рвануть за угол дома, если произойдет что-то нехорошее.

Нина подумала, что это такое наказание: сегодня они развлекались тем, что набрасывали бумажки, листья и фантики от конфет в то место, которое дворник уже подмел. Он гонялся за ними с метлой,

и детям было весело. Нине весело не было, ей было стыдно и совестно портить чужую работу, да еще и издеваться над глухонемым, но она и так постоянно портила всем игру. Отказывалась кормить травой пойманных шпионов в «казаках-разбойниках», уходила домой, когда ее пытали, не лазила со всеми в подвал бояться крыс, не забиралась на стройку, не бросала камни с балкона. Ее принимали пока, но Нина чувствовала, что это только потому, что она единственная не боялась сидеть на перилах крыши высотной многоэтажки. И иногда жгучее желание быть вместе со всеми становилось до такой степени нестерпимым, что Нина срывалась и делала что-то плохое и неприятное, как с дворником. Сгорая от стыда, терзаясь, но продолжая. А потому дворник имел полное право ее наказать, и, видимо, это он сейчас и делал, но Нина не чувствовала злобы или обиды. Она чувствовала непонятное, и тон у него был такой, будто он на что-то ее уговаривает, но не ясно на что.

Дворник отпустил Нину, расстегнул спецовочные штаны и вынул из них член. Член у него был немного странный, не такой, как у мальчишек, когда они писали, а почему-то твердый и торчащий вперед, как палка. Нину это удивило, и она подумала о том, как неудобно, наверное, жить с таким членом, он упирается в трусы и мешает надеть штаны. Дворника стало очень жалко — глухонемой одинокий нищий, у которого еще и такая беда. Нина успокоительно погладила его по руке и пошла к остальным.

Дети, пораженные произошедшим, тут же накинулись с расспросами. Они тоже не поняли, что делал

дворник и зачем, и надеялись, что Нина объяснит. У Нины была старшая сестра, поэтому Нина часто знала ответы на разное: почему нельзя играть в покойника, удушая друг друга, как появляются дети или какие слова нужно говорить над могилкой похороненного ими воробушка. Но Нина и сама не поняла.

— Он тебе письку показал! — крикнул пораженный Максим, и Нина кивнула.

Показать письку было очень позорно, и в это тоже играли. Девочки подглядывали и не давали мальчикам пописать в кустах. Мальчики визжали и убегали, описывая себя и, иногда, преследовавших девочек. А потому поступок дворника, который сделал это по собственному желанию, казался унижительным и абсурдным.

— Может, он писать захотел? — предположила Ольга, но это было как-то неубедительно.

— У него писька больная, — сообразила наконец Нина. — Она у него вперед торчит все время, а мы его обижаем.

Обсуждали это долго, прикидывали, как он живет с таким уродством, а потом смеялись над тем, как, перевернувшись нечаянно во сне на живот, дворник торчит попой кверху, и даже, валяясь на траве, пытались это изобразить. Однако больше ему не вредили, а случайно встретив во дворе, обходили за несколько метров. Будто бы то, что он был глухонемым, еще не делало его неприкосновенным, а вот торчащая вперед писька — да. Как будто бы глухонемые не разговаривают из вредности и больше ничем от остальных не отличаются. Наверное, так им казалось из-за Вани.

Глухонемой Ваня, взрослый и крупный, гостил в то лето в первом подъезде. Когда он выходил во двор, все выскакивали из-за угла и начинали дразнить его, кричали, что он дурак, и убегали. Большой, яростный, Ваня гонялся за всеми, догонял и бил. В эту игру Нина тоже не играла. Застывала посреди двора и смотрела, как Ваня пронесится мимо нее, настигает и колотит того, кого успел поймать. Пойманный выворачивался, истошно кричал: «За что?» — и пытался оправдываться, мол, ничего я тебе такого не говорил и не думал даже обзывать.

Нина не могла уловить их логику — почему глухонемой Ваня должен не понимать, когда на него обзываются, показывают фигу, кидают камнями, а в тот момент, когда оправдываются, вдруг должен услышать.

Сама Нина сначала немного побаивалась Ваню, вдруг он не запомнил, что она на него не обзывалась, и побьет случайно и ее, но Нину Ваня не трогал. Более того, когда она одна играла в мячик у подъезда, Ваня всегда выходил тоже и болтался под балконами, не зная, чем себя занять. Нина очень хотела с ним поговорить, она чувствовала, что и он хочет, но как говорить с глухонемым, было непонятно. Катька сказала, что жестами, и несколько дней после Нина ходила и думала, как можно объяснить жестами правила какой-нибудь игры, из тех, в которых не надо разговаривать. Она ничего так и не придумала, а потому чувствовала себя виноватой перед Ваней — ему совсем не с кем поиграть, а она могла бы поиграть с ним, но так и не сочинила как.

На следующий день, когда Ваня вышел, Нина пересилила себя, улыбнулась ему как-то криво и нерастовно и выдавила:

— Привет!

Но тут же, опомнившись, испугалась, что он обидится — она с ним разговаривает, а он же не слышит! И Нина, смущенная и испуганная, поспешно кивнула и даже помахала рукой, чтобы наверняка. Ваня понял. Он радостно улыбнулся в ответ и пожал Нине руку. Нине от прикосновения стало странно и тепло. Играя, все постоянно хватали друг друга, пихали, били, но в этом прикосновении было какое-то особенное стеснительное чувство, что-то секретное, и Нина почему-то отдернула руку. Ваня застеснялся тоже и убежал в подъезд. Нина хотела тоже убежать домой, рассказать маме, но дома мама заставила бы ее мыть посуду или пол, а хотелось еще погулять. Хотя бы немного.

Ваня вернулся через несколько минут и сунул Нине в руки горсть неспелого гороха. Нина, как и остальные, обожала зеленый горох. Даже не сами веселые шарики-горошинки, а стручок. Если его пожевать, то во рту останется вкус сладкой и сочной травы.

Этот внезапный подарок был таким волнующим, что Нина растерялась и, кажется, даже не поблагодарила. Ваня тут же убежал обратно в подъезд и подглядывал с балкона за тем, как Нина, усевшись на мячик, ест горох. Нина почему-то знала, что он будет смотреть на нее с балкона, и посматривала наверх. Ваня тут же прятался и выглядывал снова. Нина смеялась, и он тоже.

Всю ночь Нина не могла заснуть. Она вспоминала, как весело Ваня высовывался из-за перил, и думала, что с ним, оказывается, тоже можно играть. Только не как с большими, а как с маленьким, который еще не умеет разговаривать. От этого становилось приятно и тепло внутри, будто ей открылась какая-то огромная тайна.

В выходной они встретились во дворе и еще немножко поиграли. У Вани был маленький перочинный ножик, и он вырезал им на земле всякие кружки и зигзаги. Он дал повырезать и Нине. Это было очень интересно, но еще интереснее было, когда они задевали друг за друга плечами или руками. Становилось тепло и щекотно, и Нина с удивлением обнаружила, что щекотно ей от того, что они соприкасаются крохотными волосками на коже, которые, оказывается, тоже что-то чувствуют.

Потом Ваню увезли. Нина думала, что он родственник глухонемого дворника, хотя дворник и жил в третьем подъезде, но оказалось, что это племянник архитектора, строившего этот дом. Архитектора знали и очень уважали за портфель, всегда отглаженный костюм и очки в тонкой оправе. Нина хотела спросить про Ваню, про то, как у него дела и нашел ли он с кем поиграть, но вид у архитектора был очень занятой и суровый, и Нина так и не решилась.

Нине опять пришлось играть с остальными, и они еще долго казались ей скучными и неприятными. Пока Зоя не показала секрет. У Зои дома было много удивительных вещей. Ее отец был самым настоящим новым русским, занимался чем-то непонятным, отчего у них то появлялись самые дорогие вещи, кото-

рые еще даже не показали по телевизору, то не было денег даже на хлеб. Тогда Зоина мама шла к магазину и продавала там что-нибудь ненужное. Как-то она продала большой фикус в красивом горшке, что Нину сильно удивило. Было неясно, кто мог купить комнатный цветок и зачем. Дома у Нины всегда было много цветов, и они частенько выбрасывали поднадоевшие. Особенно Нине нравился щучий хвост с длинными плотными листьями, похожими на кроличьи уши. Нина часто его трогала и вспоминала, какой хорошенький был толстенький кролик в кружке юных натуралистов, куда она одно время заходила убирать за животными.

Когда цветок разросся и начал закрывать половину окна, мама отправила Нину его выбрасывать, и Нина долго стояла перед мусорным баком, не решаясь. К ней подошел мужчина с пистолетом, каждый вечер выходивший стрелять крыс. Мужчину с пистолетом Нина, как и остальные дети, очень уважала. Стрелять можно было только бандитам и шпионам из фильмов, а такой красивый человек бандитом быть не мог. Значит, шпион. Мама запрещала Нине смотреть, как он стреляет, боялась шальной пули, а потому Нина засобиралась домой. Мужчина вдруг попросил у Нины отдать щучий хвост ему. Нина конечно же отдала и очень радовалась, что и щучий хвост оказался нужным, и мужчине теперь будет не так одиноко. Он сможет вечерами трогать листики и представлять себе, что это кролик. В общем, с цветами выходило странно, кто-то их выбрасывал, кто-то подбирал, а кто-то даже и покупать умудрялся.

Так. Нина снова отвлеклась. Зачем она думает про цветы? Вспоминать оказалось трудно — как будто маленькая картинка вытягивала за собой целый кусок прожитой жизни, и думалось уже о нем, а не о важном. Нина полежала еще немного, глядя в потолок, потом села. От голода закружилась голова, и нависающие бетонные стены узкого подвала поплыли перед глазами. На ощупь стены были щербатыми, с выступающими камешками и пустыми лунками от тех, что вывалились. Вчера от нечего делать Нина нашла на полу несколько камешков покрупнее и долго искала те места в стене, откуда они выпали, чтобы вставить камешки на место. Когда она уже забыла об этом, один из вставленных камешков выпал обратно с глухим стуком и напугал Нину.

По периметру тянулись странные кривые бороздки — Нина не сразу сообразила, что это. Сначала она подумала, что комната выстроена из бетонных плит, сложенных друг на друга, или из шпал, но расстояние между бороздками везде было разным, — значит, это не плиты. Только потом Нина вспомнила, что бетон льют порциями и бороздки — это стыки между старой и новой заливкой. Значит, она не на заброшенном складе бетонных изделий при заводе, а в глухом колодце. Скорее всего, в погребе. Это не мог быть погреб магазина — в единственном супермаркете в подвал вела толстая ржавая дверь, а здесь был люк в потолке, прикрытый оцинкованной крышкой. В школе подвалы были выложены кафелем, их постоянно проверял санэпидемконтроль, и ее бы сюда попросту не посадили. Значит, она в церкви. Церковь никто не проверяет.

ПЛЕН

Было странно, что ее заточили в церковь и что она должна отбывать такое суровое наказание. И самое странное, что родная мать способна усыпить своего ребенка хлороформом, а потом сдать в церковь, в сырой, холодный подвал и держать тут в голоде и одиночестве так долго. Впрочем, со временем было неточно. Нина читала где-то про это ощущение — от страха и тоски становится непонятно, сколько времени прошло, но с другой стороны, от голода кружилась голова, значит, уже долго. В книжках про диеты писали, что на третий день голодания становится хорошо и легко, значит, три дня еще точно не прошло. Нужно выдержать пост и обдумать свое поведение.

16:19. Вадим

Вадим подошел к окну и осторожно выглянул в просвет между занавесками — никого. Ни ее матери, ни участкового, ни встревоженных соседей. Просвет он сделал пару месяцев назад, а потом долго проверял на прохожих. Через него должно было быть видно улицу перед калиткой, но не заметно его силуэта, мелькнувшего в проеме окна. Вадим менял положение занавесок, дожидался прохожего и зажигал фонарик. Когда люди перестали реагировать на внезапную вспышку света, Вадим понял, что готово. Он смотрел в окно уже семь раз, и если бы заранее не позаботился о занавесках, то давно выглядел бы подозрительно. А так — все в порядке. За ней все еще не пришли. На работу только завтра, а по

утрам он всегда сосредоточен и собран. Он победил. Он сделал все согласно плану и даже лучше.

Вадим вынул из шкафчика пузырек люголя, раскрыл его и понюхал. Это всегда успокаивало. Он вспомнил, как ненавидел этот запах в детстве, вспомнил пройденный путь и то, как упорно тренировался, чтобы стать тем, кто он есть сейчас.

Каждый день он забирался на чердак и, зажимая нос, чтобы не начать чихать от поднятой пыли, протискивался между старым сундуком и прогнившим комодом и оказывался в домике. Стульчик — маленькая деревянная катушка от проводов и осколок замутненного зеркала. Зеркало было особенным, старым. Сама поверхность его не была гладкой, как у новых зеркал, на ней проступали крохотные дырочки и пузырьки, а покрытие, похожее на гудрон, с обратной стороны местами соскоблилось, и в этих местах зеркало стало просто стеклом — была видна старая доска, к которой он его прислонил. Но для дела годилось и такое.

Он по привычке усаживался на стульчик, вынимал из-за зеркала спрятанную коробочку со своими сокровищами — маленький пузырек коричневого стекла с лекарством. На пузырьке тонким, продолговатым шрифтом было написано «Люголь». Лекарство пахло приторным и колючим — сразу вспоминалось, как мачеха, намотав на толстый палец кусок ваты, смачивала получившийся тампон этой коричневой жидкостью. Вата становилась похожа на старый бинт, пропитанный кровью. Потом она крепко прижимала Вадима к себе — за го-

лову. Ее халат пах мукой и кислым тестом, и одним ухом было слышно ее сердце, а вторым, крепко пережатым ее ладонью, — странный шум, такой бывает в раковине, когда слушаешь море. Он глубоко вдыхал и раскрывал рот — палец, проехав по языку, упирался прямо в горло и задевал тот маленький дополнительный язычок сверху, который нельзя было трогать. От прикосновения к нему начинало тошнить, он кашлял и, упершись ей в ногу, пытался вытянуть голову, как пес, снимающий ошейник, вырваться, но она держала крепко и не отпускала, пока он не начинал задыхаться. Потом она разжала руку, Вадим падал назад и долго дышал, стараясь не плакать. Хотя после этого было можно — она не смотрела презрительно, а просто поднималась и уходила.

Он доставал ватку, отщипывал от нее крошечный кусочек. Вата отрывалась очень интересно — волокна не хотели отлипнуть и тянулись к основному куску, как будто ветер подул на облако, и оно развернулось в одну сторону. Он прикладывал ватку к раскрытому пузырьку и мочил коричневым. Потом вынимал длинную иглу и протирал ее ваткой. Игла была толстой, с большим ушком, а шерстяная нитка, которую он в нее вставил, чтобы не потерять, давно покрылась толстыми катышками, и ее уже было не вытащить через ушко. Он снимал пластмассовые часы и протирал и руку в том месте, где не было видно вен. Как-то из интереса он проткнул просвечивающий синим сосуд и долго не мог спуститься, хотя мачеха дважды звала, — кровь никак не оставалась.